

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава XIX

В самом сердце одной из самых южных провинций Франции , на вершине узкого горного хребта, Высокая трава расступилась, открыв зайцу, который выпрыгнул на залитую лунным светом поляну. Осторожное животное осмотрело открытый холмик, насторожив уши и подергивая носом; и, подкрадываясь вперед, Внезапно он застыл, как камень, голова его была наклонена набок, а единственный стеклянный черный глаз устремлен в небо. Окаменевшее животное смотрело на то, что могло напоминать Одинокая летящая точка — парящий силуэт, затерянный на фоне звезд. Кролик неподвижно сидел под тем, что ему приписывали хищную птицу.

Однако парящий высоко объект мало чем напоминал птицу, за исключением расправленных крыльев; опытный глаз мог бы с уверенностью определить его форму как форму летящего человека. Внезапно испуганный заяц резко развернулся и бросился в длинную тень, из которой вынырнул. И в кажущейся безопасности зарослей и глубоких теней призрачная зеленоватая рука раздвинула кусты и схватила бьющегося в конвульсиях зайца. Раздались хрустящие косточки, и над травянистым холмом воцарилась новая тишина .

Паря высоко над хребтом и взмывая ввысь на фоне звездного неба, Лазарь двигался вперед. Ветер завывал от ритмичного шелеста его крыльев. Он летел к...

С самой южной оконечности побережья Франции, с возвышенной позиции Лазаря, он видел, как залитые лунным светом земли расстилаются из изогнутого горизонта, словно величественный свиток, медленно разворачивающий каждую грань Творения. Слева от него ряд невысоких холмов сиял золотистыми оттенками, четко очерчивая восточную границу земли. Справа, под сернистым серпом луны, холмистая местность сливалась с нечетким западным горизонтом, который, казалось, растворялся, как ртуть, и сливался с туманным небом.

Лазарь давно покинул извилистое русло Роны и теперь летел строго на юг над разбросанным ландшафтом голых холмов и вырубленных лесов. Внизу извилистые ручьи прорезали всю местность и, собранные воедино, напоминали черные, блуждающие следы от кинжалов, уродующие поверхность земли. В поле зрения появлялись скопления крошечных построек — здания с соломенными крышами, расположенные вдоль берегов рек, — все вместе напоминало живописные рыбацкие деревушки. Между ними сельские дороги были похожи на жилы грязи, которые расходились и исчезали в тенистых лесах и предгорных долинах.

В отличие от извилистых дорог и ручьев внизу, которые казались непроходимыми из-за неровной местности, Лазарь проложил целенаправленный курс, бросая вызов постоянным боковым ветрам и нисходящим потокам. Он вырубил прямую и узкую тропу строго на юг. Однако он почти не обращал внимания на бушующее под ним море земли. Под непрекращающимся стоном ветра и размеренным шелестом крыльев Лазарь, казалось, летел вслепую, поскольку большая часть его внимания была сосредоточена на внутреннем мире — его внимание было приковано к тревожному разуму.

Возможно, только ангелы могли придумать такое чудо или способ, как такое тяжелое сердце, как у него, могло оставаться в воздухе, даже облетая звезды и не рухнуть на землю под тяжестью собственной разбитости. Разум Лазаря был охвачен далекими воспоминаниями о минувших днях. И каждое его совершенное воспоминание о них, казалось, накапливалось, как груда камней, разрастаясь в гору и погребая все следы того, кем он себя помнил. Без утешительных ограничений... Лазарь плакал, вспоминая катакомбы, свою работу в туннелях, Ивана и Одно, которые могли бы его утешить, Клодиуса и Гревилла, которые могли бы его отругать, — без своей тревожной маски на лице. Он больше не мог отрицать эту тревожную часть себя, которая когда-то была лишь жалобным шепотом, скрытым в самых потаенных уголках его сердца, но теперь она наконец-то начала сильно шевелиться в его груди. Это была уже не ноющая боль, а, возможно, пробуждение. И кричащее сознание, которое приковало его внимание. Действительно, надоедливый шепот перерос в мучительные вопли, окончательно подтвердив, что самая заветная часть Лазаря действительно погибла в тот ужасный вечер, когда его вынудили покинуть аббатство. И хотя голос в его сердце был только его собственным, это, несомненно, было

Он воспитывался кощунственным и кровожадным рыбаком; жадными враждующими лордами Д'Альсикуром и Югоном; холодным и отвратительным капитаном Борном; и прежде всего, своей совершенно безбожной матерью, которая была всем этим и даже больше. И для Лазаруса горькие воспоминания о них, казалось, поглощали каждое его совершенное и трогательное воспоминание — каждую его радостную и наивную мечту о прежнем, совершенном мире, который он пережил до изгнания из уютного лона своих прежних катакомб .

Однако, даже если скорбь порой может лишить его духа, разум неизменно возвращает утраченное. Лазарь закрыл встревоженное сердце и открыл свой разум для более значимых соображений и расчетов: он летел над Южной Францией, направляясь в Италию. И то, что он когда-то наивно считал совершенно недостижимой целью — долететь куда-нибудь и забрать монаха, — на самом деле оказалось вполне разумным подвигом, поскольку он именно этим и занимался . Он размышлял о том, что может произойти сразу после его возвращения в аббатство с монахом Сальватино. Увы, поскольку Капитан раскрыл свою истинную сущность, оказавшись всего лишь гротеском, скрытым в рясах оруженосцев, он прекрасно понимал, что его жизнь пойдет по иному пути, чем он предполагал ранее. Из этого единственного поворота событий он не без оснований сделал вывод, что монахи аббатства не смогут принять его в свою святую паству в качестве монаха. Он был убежден, что они больше не позволят ему жить и служить в их пастве как священнослужитель. Он был уверен, что они никогда больше не почитают его как Лазаря, доверенного оруженосца аббатства в катакомбах, но порицают его как уродливого и безбожного крылатого зверя. Он недвусмысленно знал, что найдет свое место не в молитве, в Святилище, а на его вершине, в камне. И все же он переосмыслил свои варианты, чтобы прийти к тому же непоколебимому результату: остаться верным своему обещанию привести монаха. «И если по случайности из этого можно будет извлечь хоть какую-то крупицу добра, — догадался он , — то, возможно, монахи аббатства, взглянув за пределы его отличий, сочтут его скорее человеком, чем животным».

Тем не менее, Лазарю казалось маловероятным, что какие-либо размышления смогут изменить ситуацию к лучшему. Время текло по холмистой земле, и, неся на своих плечах тяжесть открытого Камня Ворот, Лазарь продолжал двигаться вперед над Южной Францией. Пот на его крыльях блестел в лунном свете, и... Ночь продолжалась, он не сбивался с курса и скорости, даже приближаясь к земле. Подобно огромной летучей мыши, он пронесился над верхушками деревьев, взбалтывая их листья взмахами крыльев. Он летел вперед, регулируя крылья в такт дыханию — нажимая и поднимая, вдыхая и выдыхая. Время снова повернулось, когда рядом с ним собралась стая чаек. Еще больше отдыхающих чаек взмыли в небо, чтобы броситься в погоню. Птицы собрались в растущую стаю, и, наконец , сотни из них образовали огромную стаю, которая почти полностью поглотила Лазаря.

Он поднялся выше, чтобы ускользнуть от них, но они последовали за ним. Он пикировал; кренился влево; кренился вправо. Однако они реагировали точно так же, выполняя те же воздушные маневры. Он выровнялся и устремился к горизонту, но увидел лишь белую стену из взбалтываемых хвостовых перьев. А под ним поверхность земли утонула в бушующем море белых крыльев.

Лазарь резко взмахнул рукой, крича: «Уходите!» Они завизжали в ответ, словно его дерзкий приказ призывал к массовому протесту.

«Отойдите в сторону!» — крикнул он. Они закаркали и приблизились еще ближе, облепив его, словно сотня птенцов, цепляющихся за чайку.

«Я ничего не вижу!»

Стадо лишь ответило щебетанием.

«Я не птица!»

Чайки в один голос заворчали.

«Я не такой!»

В ответ последовал шквал резких возражений.

Лазарь фыркнул и сдался им, учитывая, что, хотя он и летел, он всё же сдался.

Слепо пробираясь сквозь них, он всё же продвигался вперёд. Более того, ему показалось, что стая демонстрирует острое чувство пространства, поскольку ни одна из птиц, казалось, не мешала взмахам крыльев другой, или его собственным. Но в них было нечто большее, поскольку Лазарус обнаружил, что его притягивают их зоркие, тёмные глаза. На первый взгляд, они, казалось, разделяли ту же дикую интенсивность. Он пристально взгляделся в них — даже глубже, чем когда-то смотрел в глаза собак Горной Пасти, и обнаружил — абсолютно ничего.

Возможно, именно пустота в них побудила Лазаря усмехнуться. Ничего не подозревающие чайки запели вслед его смеху.

Лазарь усмехнулся, и они захихикали вместе с ним. И чем громче он смеялся, тем громче. Они отвечали до тех пор, пока Лазарь наконец не почувствовал, как его охватывают судороги и слезы. Поистине, он знал истоки своей веселости и открыто развлекался ею. Откровенные взгляды чаек Их взгляды были такими же широкими и безжизненными, как у летучих мышей Горного Пасти — они были точно такими же, как у крысы, которую брат Клодиус преследовал по катакомбам аббатства, — и, возможно, они отражали тот же взгляд, что и у самого брата, когда Лазарь вылил содержимое ведра на его сандалии. В целом, их взгляды, одновременно и воспоминания, и реальные, Казалось, они передавали Лазарю одновременно противоречивые состояния детерминизма и неведения. Если бы он сначала не нашел зерно юмора в их широких, холодных взглядах, он мог бы оказаться пораженным, летя среди такой стаи пустых, горящих глаз. Тем не менее, продвигаясь вперед, он вступил в интимный диалог со своим сопровождающим, рассказывая ему секреты, которые чайки никак не могли бы повторить или

Он поделился с птицами теми истинами, которые ранее признавался лишь летучим мышам из Маунтин-Маут. Действительно, они проявили большое любопытство и доброжелательность к Лазарю — все они были очень заинтересованы с его продолжающейся речью. И время от времени они раздражались общим карканьем, карканьем, или ворковать, чтобы передать распространенное мнение или противоречие.

В конце концов, однако, чайки, казалось, устали от его общества и разлетелись. Стая поредела, и свет ночного неба осветил взмахи крыльев. Еще больше чаек улетело, рассеявшись толпами и обнажив холмистую землю под ногами Лазаря. Оставшаяся стая внезапно распалась, оставив Лазаря лететь в одиночестве. И когда стена чаек перед ним исчезла, его взгляд упал на неожиданный и совершенно иной южный горизонт, чем тот, что он помнил в последний раз; он увидел, что его новая форма представляет собой не что иное, как панорамный ужасающий пейзаж. Он откинулся назад, взмахнул крыльями и резко остановился, зависнув на месте. Он ступал по воздуху, чувствуя неестественную тяжесть. Казалось, кровь, лишая его жизни, вытекла из вен — словно его кости обрели каменную тяжесть. И в этот тревожный момент, пока Лазарь думал, что ощущает всю силу притяжения земли, он впитывал в себя необъятность, казалось бы, необъяснимого зрелища. Казалось, вся поверхность земли погрузилась в бескрайний черный лист, который почти полностью стер мир с лица земли. Это было потрясающее зрелище кажущейся и бесконечной пустоты, которое мог познать только Ной.

По наложенным друг на друга картам аббатства и измеренному расстоянию, которое он пролетел, Лазарус знал, что прибыл в Леонский залив; однако он никогда не представлял себе его таким огромным и раскинувшимся, словно океанский лев, каким он казался сейчас. Его охватили новые опасения. Он поджал плечи и, нырнув в спираль, последовал за своими пернатыми друзьями к линии прибрежных скал, разделявших сушу и море. Он приземлился среди сидевших на земле птиц и уселся на широкую, обветренную плиту. Чайки заворчали и захлопали крыльями. Они клюнули его в сапоги, возможно, полагая, что он пришел украсть выброшенную на берег тушку рыбы с пустыми глазами, которую они охраняли. Лазарь присел на корточки, положив усталые руки на колени. Капли пота стекали по нему, развеваясь на ветру. Расправив крылья, он тяжело дышал, словно перегревшаяся птица. Там, на приземистом каменистом плато, он собрался с силами. Он наблюдал, как приливы и отливы проносятся между скалами, окутывая его солоноватой дымкой. Он изучал кромку воды, где слой океанской пены поднимался и опускался с каждой новой волной. Неподалеку часть панциря краба лежала на куске застрявшего коряги, которая быстро покачивалась между узким пространством валунов. У валунов плотные нити водорослей катились в едином потоке водного течения. Рядом с Лазарем чайки наконец-то обратили на себя внимание, сражаясь за тушку рыбы. И когда прохладный бриз залива высушил его влажные крылья, Лазарь закрыл глаза и

Запечатлевшиеся в памяти навсегда, вновь пережитые звуки и запахи океан.

Внутри него некогда назревавшее беспокойство переросло в навязчивый голос протеста, который звучал в унисон с чёрными водами у его сапог. Он перепроверил свои воспоминания о картах аббатства и вспомнил, что, планируя отправиться за монахом, он должен был вечером пересечь Леонский залив и прибыть на остров Корсика, где снова укроется от дневного света. И поначалу этот подвиг казался вполне осуществимым, поскольку он знал, что сможет преодолеть это расстояние на самолёте. Тем не менее, вид моря с высоты птичьего полёта, когда он увидел его величественное и невероятно чудовищное зрелище, поглощающее каждую земную деталь, казалось, на бесконечное расстояние, сделал этот подвиг скорее невысказанным, чем достижимым. И действительно, навязчивый голос жаловался не без оснований, поскольку теперь он открыл Лазарю тревожную мысль о том, что его пересечение океана было не просто полётом, от которого он так сильно зависел в выживании. В конце концов, голос знал, что Лазарь мог летать целую ночь; однако плавать он не умел.

Лазарь, подавшись вперед, опустился на колени и откинулся назад. Он вгляделся сквозь волны и осмотрел темный океанский горизонт, который, казалось, сливался с тусклым небом. Раскинувшийся черный морской пейзаж производил впечатление бездонной и безграничной пропасти, и он подумал, что даже облака, возможно, не способны пересечь такую огромную пустоту. Он обратил свой взор на юго-западное небо, где вдали мерцали молнии. Затем он вздохнул и, стоя, мрачно попрощался с чайками. Он расправил крылья, взлетев, взмыв в небо, сделав один круг и направившись на восток, он повернулся спиной к заходящему течению луны.

Всю оставшуюся часть вечера и до раннего утра Лазарь следовал с юга. Побережье Франции. Карты аббатства прочно запечатлелись в его памяти и служили ориентиром на пути к восточному портовому городу Марселю. Он держал море справа, а сушу слева, даже когда постоянный южный боковой ветер, казалось, был полон решимости вытолкнуть его из воды к зловещему океану. А для Лазаря океан все больше напоминал адскую пропасть — огромную черную дыру, которая ненасытно издевалась над ним, бросая ему вызов пересечь ее. На протяжении всего пути боковой ветер ослабел и стих, прежде чем с его стороны подул солоноватый бриз, дующий с суши. Однако порывы ветра уже сильно повредили его крылья, и Лазарь обратил свое внимание на землю, где он мог бы найти подходящее укрытие от первых лучей солнца.

Находясь ещё далеко от Марселя, Лазарь спустился в живописную портовую деревушку и совершил круг.

Постепенно местность расширялась, он шел по соломенным крышам, пока не обнаружил на более отдаленной восточной окраине города, по-видимому, руины бывшего собора, расположенного на вершине широкого скалистого холма. При ближайшем рассмотрении он увидел все, что осталось от высокого, безкрышного сооружения: обгоревшие и частично обрушившиеся стены, окружавшие открытый каменный пол. Однако он обнаружил, что за этим, казалось бы, мертвым местом поклонения скрывалось нечто большее. Внутри его разрушающихся укреплений на части каменного пола возвышалось причудливое сооружение, очень похожее на недавно построенную церковь. Новая церковь была полностью деревянной, за исключением одной внешней каменной стены, которую она делила с древним собором. В целом, этот кажущийся деревянным кусочек мог символизировать весеннее семя, застрявшее в утробе поражённого зимой цветка. И, за исключением собаки, несущей кости и хромающей по обширному кладбищу, занимавшему восточную сторону широкого холма, Лазарь обнаружил, что территория руин практически мертва.

Он приземлился внутри разрушенных стен руин, мягко ступая ботинками по заросшим сорняками каменным плитам. Лазарь вздрогнул, осторожно сложив свои изношенные крылья, прежде чем скрыться в темных тенях. Он едва приблизился к причудливой церкви, как увидел ее высокие и узкие окна и понял, что здание совершенно не подходит для убежища, которое он искал. Лазарь отвернулся и шагнул в пролом в старой стене. Затем, выйдя за пределы руин, он шел вдоль стены, пробираясь сквозь обломки камней и высокую траву, пока не обогнул ее внешний угол и не обнаружил, среди сорняков и заросший лианами, большой и узкий складской ящик. Более высокая задняя часть Пристроенный ящик стоял вплотную к древней храмовой стене. Его нижняя передняя сторона была обращена к отступающему холму из тесных и обветшалых надгробий. Лазарь расчистил сорняки, поднял обветренную крышку ящика и заглянул внутрь. За исключением нескольких сломанных ручек инструментов, нескольких высохших и прогнивших мешков из конопли и разбросанных комков засохшей грязи, внутреннее пространство показалось достаточно просторным для его запланированного короткого пребывания. Он забрался внутрь ящика, закрыл крышку. Он переставил свои вещи и закрыл глаза навстречу рассвету нового дня. И Время вернулось в свой мир снов.

Действительно, ящик был прочной конструкции, с крепкими стенками и плотно прилегающей крышкой, защищавшей Лазаря от яркого дневного света. Однако, поскольку удача зачастую требует платы за оказанные услуги, тот самый ящик, который спас Лазарю жизнь, вполне мог бы послужить в качестве его гроба. Если бы на следующий день небо было безоблачным, он бы непременно погиб. Утреннее солнце раскалило ящик, заставив Лазаря задуматься о своем ближайшем будущем. Судьба. Он метался в раскаленном мусорном баке, изо всех сил пытаясь вдохнуть затхлый и горячий воздух. И в своем безвыходном положении у него было достаточно времени, чтобы поразмышлять о самом главном. Серьезная ошибка: он похоронил себя в деревянном ящике, обращенном прямо на восток. И все же, Солнце вознеслось в небеса, словно бушующий бог огня, ищущий все, что находится под собой.

чтобы оно могло поглотить и увядать.

К полудню Лазарь испытывал муки, которые лучше всего можно было бы описать как чередование мучительных приступов тошноты и ужасающего осознания собственного «я». В его ушах снова и снова звучали крики рыбака : «Лазарь, открой дверь! Ради Бога!» Он то терял, то снова обретал сознание, его разум был раздвоен, тело содрогнулось. Подобно качающемуся маятнику пыток, это ужасное событие продолжалось — то появлялось , то исчезало, то снова появлялось. Как по часовой стрелке, с каждым его погружением в забвение, тело пробуждало его к еще большей боли. И в эти самые мучительные мгновения сознания, когда боль могла усилиться до такой степени, что стала бы насмешкой над собственной смертностью, Лазарь мог лишь дрожащими руками сжимать отцовский молитвенный крест и молить о новом бессознательном заклинании. Но никакой пощады не было — ничего не произошло, кроме продолжающегося ж безжалостное солнце.

Лазарь чувствовал себя на грани смерти еще до того, как солнце начало свой западный закат. Длинные тени руин собора наконец нависли над мусорным ведром. Обжигающий воздух внутри ящика стих, когда сумерки окрасили облака в красноватые оттенки; и Лазарь вышел из своих головокружительных снов только тогда, когда глубочайшие сумерки опустились на небо. Прохладное сияние миллионов звезд и тонкий серп луны успокоили землю. Лазарь лежал, тяжело дыша, на промокших мешках из мешковины. В голове у него звенело, и теперь казалось, что звон в ушах переплетается с неразборчивыми голосами. Наконец, звон в ушах утих, хотя голоса не утихали , и, когда в его сознании наконец разделились Дели и Реальность, он различил голоса, принадлежащие к явно жаркому разговору. Он перевернулся на бок, поднял руку, просунул пальцы между крышкой и рамой мусорного ведра; И когда крышка приоткрылась, на него обрушился поток прохладного воздуха. Он лежал неподвижно, насторожив ухо, чтобы услышать продолжение разговора. Голоса, казалось, доносились издалека, возможно, с широкого холма и из глубины кладбища. И в этом разговоре было что-то странное — каким бы невнятным или несвязным он ни казался — что глупо

Он внимательно слушал, пока мужской голос умолял вслух: «Услышьте меня! Еще немного, умоляю вас!» Последовала долгая пауза. «Ещё мгновение у тебя будет. Поторопись, уходи». Неестественный ответ, похожий на голос Люцифаэля, произнесённый одновременно множеством женщин. Однако этот неземной голос казался совершенно другим — возможно, более мягким и утонченным, но в то же время строгим и правильным, — и затихал, словно эхо, повторяющееся в обратном порядке.

Лазарус напрягся; его дыхание участилось. Если бы этот зловещий ответ не был таким глубоким по тону и не переплетался с мужскими голосами, эти слова могли бы принадлежать Люцифаилу.

Она сама. Но слова были не её; лишь похожи на её. Лазарус приподнял крышку ещё выше и заглянул в залитое лунным светом кладбище.

«Побыть одной, если позволите?» — умоляюще произнес голос.

На что ангельский голос ответил: «Не медли слишком долго».

Мерцание света освещало шелест листьев и сорняков. В затихающем порыве ветра над кладбищем опустилась новая тьма и тишина.

Зрачки Лазаря расширились. Он обыскал территорию, а затем незаметно выскользнул из складского помещения. Он взглянул на небеса, которые манили его к бегству; однако его остановило всепоглощающее любопытство, которое мучило его: этот неестественный, но знакомый голос, похожий на мелодию, но непохожий на тон голоса его матери. В тот же миг Лазарус вспомнил слова отца, предупреждавшего его держаться подальше от опасного туннеля Бенион; и все же он признавал, что, если бы он не рискнул спуститься в этот запретный туннель, он бы не узнал об ангельском письме или свитках Нарамсин. И, следовательно, он не получил бы этого драгоценного знания о себе, своем происхождении или своих фамильярах Эльджо. Действительно, он не мог легко отвернуться от кладбища и его незнакомого голоса множества, когда еще больше того же самого необычного знания могло находиться всего в нескольких шагах от него.

Под покровом тьмы он прокрался вниз по склону холма, скрываясь лишь в самых темных тенях. Он не топтал ни ломких веток, ни камней, бесшумно проходя мимо заброшенных могил. Он петлял по извилистой и скрытной тропе к сердцу кладбища, к тенистой роще древних дубов, где увидел неземное зеленоватое свечение, ярко выделяющееся среди кустарника. Приближаясь к деревьям из-за невысокого холма, он отчетливо услышал непрекращающийся шепот того же мужского голоса, который когда-то взмолился к другому голосу многих мужчин. Словно призрак, Лазарь поднялся по обратной стороне насыпи, насторожив уши и прислушавшись к торжественному голосу, шепчущему: «Да прейдет вся земля, но я останусь с тобой. Моя любовь. Увы, добрый Ангел теперь знает, когда и где меня найти; и я больше не могу являться тебе, как раньше, как обычно. Он стал мудрее наших годовщин. Тем не менее, я даю тебе слово, полностью и навечно, что я буду упорствовать и преодолю трудности. Поскольку мое сердце верно, я буду навещать тебя все чаще, но с новой осмотрительностью и, не осознавая привычного распорядка. Ты — мой дар Божий, моя любовь, и единственное Небо, которое я хочу познать.

Лазарь раздвинул сорняки и, присев на корточки, приблизился к разрушенному надгробному камню. Он взглянул сквозь камни, и его лицо озарило зеленоватое свечение, сузив зрачки.

Он смотрел на необычное зрелище, словно через крошечные отверстия. Перед ним, спиной к нему, виднелось призрачное изображение мужчины, стоящего на коленях у подножия двух обозначенных могил. Две могилы были окружены большим участком, выложенным камнем и заросшим сорняками. Поднимаясь из зарослей... По центру двух надгробий возвышался гораздо более высокий, но узкий и богато украшенный каменный столб, на котором были выгравированы, возможно, фамильный герб, а вертикально выгравированное имя располагалось прямо под ним: *~M EDICC I~*. Лазарус прислонился к тени надгробий, когда Призрак поднялся на ноги, повернулся и оглядел территорию. Тогда Лазарь всё это увидел.

Лицо принадлежало молодому и красивому мужчине — возможно, средних лет — с волосами до плеч и коротко подстриженной угловатой бородой, очерчивавшей квадратную линию челюсти; Призрак был одет с иголочки: пышный плащ был накинут поверх необычного наряда, а наплечники небрежно собраны, словно занавес, у самых верхов высоких шнурованных сапог. Благодаря божественному обостренному восприятию Лазарус, всматриваясь в тьму ночи, всё глубже за её пределы и ещё глубже, сквозь постоянно бурлящий чёрный свет, всматривался в непроглядную тьму ночи. В тумане эфирного и мистического царства призраков и духов, блуждающих духов и заблудших душ, каждая грань лика Призрака казалась такой же сияющей и полупрозрачной, как и остальная часть его зеленоватого, светящегося облика.

Лазарь вышел на поляну и окликнул Привидение: «Приветствую вас, господин».

Дух частично обернулся и на мгновение замер, опустив взгляд, словно обдумывая неожиданное знакомство. Затем он повернулся и посмотрел на Лазаря. Полупрозрачный человек коснулся его груди, спросив: «Ты обращаешься ко мне?» «Да», — ответил Лазарь с приветливой улыбкой и коротким поклоном. «Ты меня видишь? И слышишь?» — недоверчиво спросил Призрак. Лазарь кивнул. «Могу». Он шагнул вперед и остановился. «Я никогда не видел ничего подобного тебе. Что ты за дьявол такой?» Улыбка Лазаря померкла. «Я не дьявол — я летающий человек. Я Лазарь Гогу».

Призрак погладил подбородок и внимательно посмотрел на Лазаря. «Ты так утверждаешь». Затем он недоверчиво покачал головой и добавил: «Однако я ничего о тебе не чувствую — абсолютно ничего».

Лазарус совершенно перестал улыбаться. Он быстро вздохнул и упрекнул Призрака: «И поскольку я вижу надгробный камень прямо за тобой, ясно сквозь тебя, кажется, от тебя тоже мало что осталось».

Лицо мужчины поджало губы, и он лишь торжественно кивнул, подтверждая свои слова. «Ты — Дух; своего рода душа?» — спросил Лазарь, пытаясь предотвратить разногласия.

Явление явилось с распростертыми объятиями, заявив: «Как вы уже поняли, это я ». Так же резко Призрак опустил руки и холодно сообщил ему: «А если ты в сговоре с Адом, может быть, тебе стоит сообщить своим главным старейшинам и приспешникам, что эта душа уже занята и в настоящее время ожидает небесных душ». эскорт."

Лазарь решительно защищался: «Я не состою в союзе с адом и не пытаюсь плести заговор против Господа Бога Всемогущего».

Призрак пристально посмотрел на него прищуренным взглядом, а затем спросил: «Тогда, возможно, ты в сговоре с Небесами?» Дух кивнул в знак согласия. «Если так, то ты уже должен знать, что я просил о минуте наедине, чтобы отдать последние почести. И все же ты здесь . Зачем тебе тайно следить за мной, чтобы не поверить, что я сбежал?» Явление наклонило голову, и на его лице внезапно появилось недоумение. «И что это за благочестивый слуга — подобного я никогда прежде не встречал, — который является в образе демона и обращается к заблудшему Духу с добрым почтением, но при этом не является ни дьяволом, ни ангелом?»

«Я всего лишь Лазарь, и я вас не вижу», — заявил Эльджо. «Простите за вторжение, если позволите. Я просто отдыхал, вот здесь», — ответил Лазарь, указывая вверх по холму в сторону холма. Развалины собора... — продолжил он свое признание, — «когда я услышал голос ... голос многих людей, говорящих как один. Затем я увидел сияние среди надгробий и последовал за вашим голосом. Я не желал вам зла».

На лице Призрака появилось новое сомнение . «Отдыхали ли вы? На кладбище ? Среди мертвых?» Призрак скрестил руки, кивнул и продолжил расспрашивать. «И почему же вы оказались именно на этом кладбище?» «Я наткнулся на это мимоходом. Я устал. Я еду в Италию».

Неубежденное Призрак ответил: «И меня призвали отправиться на Небеса. Меня бы не так сильно встревожило обнаружить, что мой недоверчивый сопровождающий наблюдает за мной — и за тобой — прямо сейчас, на случай, если я попытаюсь сбежать или попасть в плен ада . Что ты на это скажешь?» Призрак повернулся к нему спиной и устоял на могилу. при этом он оглядывался через плечо, словно ожидая ответа.

Но Лазарь отвернулся и собрался уходить, сказав напоследок: «Однако я должен пожелать тебе удачи, учитывая такое божественное благословение, ниспосланное тебе твоим призывом». Вознести Тебе небеса — это величайшее благословение. Я рад, что знал Тебя, если бы только

Вкратце. Простите меня и доброго вечера, сэр.

Лазарь шагнул во тьму и направился к насыпи, когда Призрак прорычал:
«Благословение ниспослано?»

Он остановился, обернулся и спросил Духа: «Разве Ты не рад идти своим путем?»
«Нет уж точно!» — воскликнул Призрак. Он фыркнул и проворчал: «Это ужасно».

Лазарь отступил из зарослей и обошёл могилу. Вернувшись, теперь уже в недоумении, он спросил Призрака: «Как может Небеса быть чем-то ужасным?»

Призрак взглянул на могилу, прежде чем подойти к Лазарю с лицом, явно искаженным эмоциями. Он остановился перед Лазарем и вгляделся ему в глаза. «Потому что мне был уготован Рай, а моей дорогой Софии — нет». Призрак покачал головой. «Более двух лет Сто лет я боролся с волей и способностями ангелов, чтобы остаться — скитаться по миру как потерянная душа, чтобы последние воспоминания о моей жене оставались живыми во мне. Я не намерен уходить с этим Ангелом. Я пришел лишь еще раз отдать дань уважения моей дорогой Софии — это... день ее рождения. Ангел знает, что каждый год находит меня здесь, и ждет моего религиозного возвращения. И каждый год мы переживаем одну и ту же встречу: я прихожу, Она ловит меня, я отдаю дань уважения, пока Ангел ждет, а затем снова убегаю. Думаю, скорее из жалости, чем из глупости, она никогда не преследовала меня; хотя, возможно, однажды — или даже сейчас — она снова ускользнет. Пустотелый человек отвел взгляд и уставился в пустоту.

Сквозь деревья, к руинам собора, где, как он знал, находился ожидающий его Ангел.

Лазарь проследил взглядом Призрака. Затем он произнес: «Мне очень жаль это слышать». Они молча стояли и всматривались в руины храма.

Призрак оглянулся на него и вздохнул. «Это я должен просить у вас прощения. Я по ошибке...»
«Я подозревал вас в том, что вы сеете злобу; и мне не до того, чтобы обременять вас своими бедами». Дух быстро вздохнул, кивнул и изобразил вежливую улыбку. Он протянул руку к надгробию, приглашая его сказать: «Позвольте представить вам мою госпожу Софию и меня — мы покоимся здесь».

Призрак пристально посмотрел на Лазаруса, а затем, коротко приветствуя его, щёлкнул кланяющимся тоном. «Я покойный лорд Григорий Медиччи, бывший флорентиец. Приятно познакомиться с вами, Лазарус Гогу».

Лазарь улыбнулся и ответил на поклон. «Ваша Светлость, эта честь, несомненно, принадлежит мне». «Так что же привело вас в Италию, юный господин?» Призрак Медиччи взмахнул плащом и наклонился, чтобы осмотреть сложенные крылья Лазаря.

Лазарь осторожно ответил: «Я должен найти человека и сопроводить его обратно во Францию».

«Разрешите поинтересоваться, с какой целью?»

Лазарь отвернулся. «Я не должен об этом говорить; простите меня».

Медиччи скрестил руки на груди. Он раздвинул локти, чтобы скрыть накинутый на него плащ. Он наклонился вперед, усмехнулся и тихо спросил: «Есть ли какая-нибудь тайна настолько серьезная, что о ней нельзя шептать?» даже к мертвым?»

Лазарь оглядел его, пожал плечами и покачал головой. «Возможно, нет». Он раскрыл свою миссию. «Врата открыты. Я ищу в Италии монаха, который сможет их закрыть».

Медиччи, явно озадаченный, отдернул подбородок и спросил: «Гейтстоун?»

Лазарь неуклюже пытался придумать подходящее объяснение. «Это своего рода печать — врата в... ну, в ад».

Медиччи широко раскрыл глаза. Он поспешно оглядел место захоронения, возможно, в поисках доброго ангела-хранителя, прежде чем наклониться ближе к Лазарю и яростно прошептать: «Повтори — врата?»

Лазарь кивнул. Его взгляд также обвел территорию, словно он внимательно искал любые признаки присутствия Матери или Чудовища. Затем он начал шепотом объяснять: «Это врата в Ад, которые теперь приоткрыты. Я поклялся найти монаха и исправить эту несправедливость. Мое слово — священный залог, и я буду верно исполнять эту последнюю просьбу, пока смогу; ибо сама моя вера требует от меня не меньше, чем довести ее до конца — святое обещание, данное и исполненное».

Медиччи вскочил и схватил Лазаря за плечи. «Что это за врата? Расскажи!»

Лазарус отшатнулся, но ледяная хватка Призрака по-прежнему крепко держала его. «Могут ли духи пройти через это?»

Лазарус взглянул на сжатый кулак Призрака на своей рубашке. Под ним по руке пробежал леденящий холод, словно плоть и кровь быстро остыли до костей. Он признал: «Из него вырвались духи. Полагаю, они могут пройти и сквозь него».

Внезапно на лице Медиччи появилось отчаяние. Он украдкой оглянулся через плечо и крепче сжал руку. «Вы должны отвести меня к этому Воротному камню!»

«Мне нужно найти монаха, который находится в другом месте, — твердо ответил Лазарь, глядя на довольно резкие объятия Призрака. — Я не направляюсь к Воротам, о которых говорю».

«Тогда вы должны... во-первых, найти своего монаха в Италии! После этого проводить меня к Воротам, хорошо?»

Лазарь сжал челюсти. Он взгляделся в руины, возвышавшиеся над широким холмом. «А что же ждет Ангела?»

Призрак потряс его. «Она может подождать еще немного, как всегда! Времени нет! Мы должны немедленно бежать!»

Лазарус нахмурился и вырвался из ледяной хватки Призрака.

Медиччи резко отпустил руки. «Прости меня, Лазарь; меня одолевают страсти ». Он отступил назад, поклонился и любезно спросил: «Могу ли я сопровождать тебя в твоём походе?

Мне больше ничего не понадобится, и я буду обременять тебя ещё меньшим».

Лазарус потёр руку, согревая её. Он кивнул. «Если хочешь».

Медиччи коротко улыбнулся и умолял его: «Тогда прошу вас, чтобы мы поскорее ушли ».

Лазарь вздохнул и признался: «Ваше Высочество, я не уверен, что смогу совершить путешествие в Италию и обратно». Он указал на руины храма. «Однако вас ждёт Ангел — ваш Рай здесь, прямо сейчас».

Медиччи покачал головой. «Это совершенно не соответствует действительности — если ты говоришь правду, то мой Рай находится лишь за Каменными Вратами», — Призрак протянул открытую ладонь к ночному небу.

«Ну что ж, поехали? Да?»

Вместе Лазарь и Медиччи покинули дубовую рощу и устремились к небесам, оставив после себя пару древних могил и ничего не подозревающего ангела.

~*~

Остаток вечера Лазарь и Медиччи уверенно двигались над юго-восточной Францией, пролетая над холмами массива Мор. Они неуклонно продвигались к двум прибрежным городам — Сен-Рафаэлю и Сен-Тропе, которые Лазарь помнил по картам аббатства. Хотя они обменивались немногими словами, они постоянно настороженно оглядывались через плечо, выискивая признаки преследующего ангела или летящего Свино-Дьявола.

Несмотря на их непохожесть по форме и телосложению, их осторожное поведение могло указывать на нечто общее между ними — их объединяли одни и те же первобытные заботы, как у преследуемой добычи.

Рано утром Лазарь наконец достиг океана. Имея достаточно времени, он повернул на юг и двинулся вдоль береговой линии в поисках деревни Сен-Максим, где мог бы сориентироваться, сверяясь с многочисленными картами в своей памяти. Он прочесывал береговую линию, пока не смог больше ничего искать; и он знал, что не найдёт деревню до восхода солнца.

Он нырнул и рухнул на участок пляжа, окружавший уединенную бухту в глубине материка.

Он лежал лицом вниз на песке и тяжело дышал, расправив крылья, как раненая птица.

Медиччи приземлился рядом с ним. «Что случилось? Ты устал?»

«Я больше не могу; мне нужно поесть», — простонал Лазарь, неподвижно лежа.

«Ах, вот он!» — воскликнул Медиччи с выражением, словно вспомнив всё, и погрозил пальцем. Он сложил руки вместе и обошёл Лазаря, не оставив следов на песке. «Двести лет, прошедшие с тех пор, как он умер, я почти забыл о муках голода». Он опустился на колени рядом с Лазарем. «Воистину, ты должен поесть».

Лазарус, лениво расправив крылья, сел. Он стряхнул песок с лица и поднял глаза, увидев Медиччи, осматривающего каменистый хребет на краю бухты. Полупрозрачный человек всматривался в вершину хребта, словно глядя сквозь заросли. Лазарус наблюдал за его широким и неподвижным взглядом, который, казалось, проникал в самые дальние уголки и, возможно, устремлялся прямо в вечность. Не моргнув глазом, Призрак пробормотал: «Подождите здесь, юный господин, и я утолю ваш голод». И прежде чем Лазарус успел что-либо сказать, эфирная фигура Медиччи исчезла.

Медиччи оставил Лазаря далеко позади и с такой стремительностью рванулся прочь из бухты, что даже само Время, казалось, исчезло. Мгновенно он выскочил на травянистый хребет, где осторожно раздвинул сорняки и, подобно охотнику, увидел кролика, неподвижно сидевшего на поляне. Заяц пристально смотрел в небо, словно застывший под кажущейся добычей хищной птицы. Внезапно испугавшись, он бросился к кажущейся безопасности. В зарослях, когда Медиччи поймал зайца и сломал ему шею. В мгновение ока, вспыхнув зеленым светом, Призрак прочесал хребет, собрал пучок ежевики и вернулся оттуда, откуда... пришел.

Лазарь стоял на морском песке и смотрел на то место, где в последний раз видел Медиччи. Однако показались лишь океанские волны. Он обернулся и осмотрел хребет. Прежде чем обойти бухту, он громко окликнул, сложив ладони: «Ваше Высочество?» Он насторожил уши и прислушался к звукам в далеких зарослях, слыша лишь, возможно, щелканье жуков и беспокойное стрекотание гнездящихся птиц. «Лорд Медиччи?» Неестественный и мимолетный треск привлек его внимание, и он обернулся. Он повернулся, ахнул, отскочил назад и упал на песок. Перед ним стоял Медиччи с охапкой хвороста, вялым кроликом и широкой улыбкой.

Медиччи подошел к Лазарю и прямо обратился к нему: «Если я не ошибаюсь, эта туша вполне подойдет человеку с твоим ненасытным аппетитом». Он поднял зайца и слегка потряс его, словно проверяя его истинный вес, добавив: «Прекрасная еда, не так ли?»

Лазарь собрался с духом и встал. «Ты был там — а потом тебя не стало — а потом снова».

«Появился». Он стяхнул с себя песок, спрашивая: «Как ты смог изменить себя и создать заново?»

Медиччи опустил кролика и, усмехнувшись, пророчески ответил: «Мертвые не таковы». «Неспособный, как могли бы заподозрить живые». Призрак бросил хворост и кролика на пляж и любезно жестом предложил Лазарю отступить. Лазарь послушался и наблюдал, как Призрак, казалось, превратился в неестественно быстрое движение — и в мгновение ока Эльджо Призрак успешно раскрутил хворост в потрескивающем огне, снял шкуру с кролика, почистил его и преподнес Лазарю зайца на шампуре. «Ну, давай же», — настаивал он, тряся согнутую ветку с вертелом. «Ты же не ожидаешь, что я еще и его для тебя поджарю, правда?»

Лазарь приблизился, не отрывая взгляда от Медиччи, пока тот забирал у него шампур. Медиччи небрежно улыбнулся и сел на пляже. Он поднял взгляд на неподвижно стоявшего Лазаря и, указывая на огонь, остроумно прошептал: «Теперь ты должен подержать его над огнем, Лазарь. Огонь подготовит его».

Лазарь поймал себя на том, что пристально смотрит на Медиччи. Он проворчал и сел у огня, защищая свои способности: «Я знаю, как его приготовить». Он подбросил кролика над огнем и посмотрел на Медиччи, заметив, что тот ухмыляется. Затем он спросил у Призрака: «Как ты так быстро двигаешься? Как тебе удастся делать такие вещи?»

Медиччи поднял бровь, на его лице появилось лукавое выражение. Он пристально посмотрел на Лазаря, прежде чем предположить: «Возможно, Смерть — это еще один оттенок Жизни, и вневременность — одна из ее многочисленных особенностей». Медиччи дал ему немного времени обдумать свои слова, а затем смягчил настроение приветливой улыбкой.

Лазарь глубоко вздохнул и опустил взгляд на жарящегося кролика. «Если позволите, расскажите мне о его волшебстве. Как вы сделали зайца?» Призрак наклонился вперед и сделал вид, что осматривается в поисках посторонних глаз, затем указал под свой плащ и прошептал Лазарю: «На самом деле я его не создал. Вся магия в том, что я прячу зайцев под своим плащом».

Лазарь осмотрел всех Призраков. «Однако я ясно вижу сквозь твой плащ; и зайцев там не было».

Медиччи фыркнул, рассмеялся и признался: «Я шучу — их не было». Он, немного придя в себя, объяснил Лазарю правду: «В этом не было никакой магии». Он пожал плечами, протянул открытые ладони и заметил: «Я просто показал вам зайца, который вам не сразу показался». Он покачал головой. «Это, конечно же, не было каким-то волшебством».

«Колдовство; я его на самом деле не создавал».

Лазарь прищурился и упрекнул его: «Но я видел, как ты ничего не держал в руках, а потом взял зайца. Не поддался ли ты какому-нибудь чару или колдовству, чтобы призвать зайца из ничего?»

«Нет, юный господин», — ответил Медиччи, откинувшись назад на одной руке и положив другую на недавно подпертое колено. «Позвольте мне поделиться с вами тем, что я узнал о магии и чудесах». Он ненадолго замолчал и уставился на песок, словно размышляя о прошлых воспоминаниях. Он сделал глубокий вдох и продолжил, его голос стал более серьезным: «В мои земные дни я был свидетелем многих обвинений в магии и колдовстве, и еще большего числа заявлений о благословениях и чудесах. И как бывший практик в искусстве алхимии и физиогномике смертных, я имел и обязанность, и возможность развеивать такие обвинения и заявления посредством открытий, пристального наблюдения и зафиксированной истины. Моя жизнь была моей работой — я жил ею. При этом я оставался верен своей вере и убеждениям и всегда знал, что существует разумное объяснение необъяснимому событию. За годы моей врачебной практики я лечил многих пациентов — некоторые из которых страдали от незначительных заболеваний и неожиданно умирали, а другие, смертельно больные, все же выживали. И всем своим пациентам я оказывал одинаково тщательную и всестороннюю помощь, независимо от их состояния». Медиччи пристально посмотрел на Лазаря, улыбнулся и спросил: «Почему же вы могли предположить, что оставшиеся в живых пациенты, неожиданно скончавшиеся от болезни, обвиняли меня в грубой халатности или убийстве, Другие, узнавшие о неожиданной смерти моего пациента, либо обвиняли меня в колдовстве, или же полностью проигнорировали мою заботу и заявили, что исцеление произошло благодаря божественному вмешательству?»

Лазарь пожал плечами. «Меня не было с тобой, когда ты заботился об этих людях. Возможно, и другие, о которых ты говоришь, тоже не были с тобой. Или, может быть, они не до конца понимали, чего от тебя ожидать». Он кивнул и прищурился. «Тем не менее, я видел, как ты заставил зайца появиться из ничего, и я не верю, что это произошло по обычному или божественному вмешательству. Я знаю, что зайца не так-то просто вытащить из воздуха; и Всемогущий Бог вмешивается не только ради волшебства. Я полагаю, что осталась только магия, которую ты, как утверждал, не использовал. Если же ты не солгал, может быть, есть другая причина?»

«Действительно, есть», — ответил Медиччи, улыбаясь. «И вы ответили на мой вопрос — те, кого я упомянул, не до конца знали, чего ожидать». Медиччи пожал плечами. «По правде говоря, мы никогда не бываем по-настоящему готовы к чему-то необычному; мы можем

«Надо лишь подготовиться к неожиданностям. А если они, по счастливой случайности, произойдут, мы легко сможем их объяснить, чтобы они казались более обыденными — особенно с помощью заявлений о божественности или колдовстве; магии или даже чародействе». Он бегло взглянул на бесстрастное лицо Лазаря. «Тем не менее, все эти заявления, похоже, служат одной и той же цели: опровергнуть более сложное объяснение исключительных сочетаний, в остальном чрезвычайно распространенных, но редко взаимосвязанных событий»

Лазарь заметил: «Я не понимаю, Ваше Высочество». Он покачал головой и покатил кролика над огнем. «Однако, чтобы не показаться слишком наивным или оторванным от реальности, могу ли я спросить, как вы сделали так, чтобы появились волосы?»

Медиччи заявил: «Вам это могло показаться лишь плодом воображения; однако на самом деле я привёз это издалека».

«Принёс? Издалека?» — Лазарь бросил на него сомнение. — «Однако ты тут же исчез и показался. У тебя не было достаточно времени, чтобы что-либо принести».

«Или нет?» — усмехнулся Медиччи. «Что значат мгновения для мертвых, молодой господин?»

Лазарь спросил: «Если позволите, Ваше Высочество, почему вы отвечаете мне вопросами, чтобы не...»
«Скрыть свои ответы?»

«Возможно, пока я буду их охранять». Призрак пожал плечами. «Такой момент может показаться нам обоим чем-то необычным, и уж точно достаточно редким, чтобы потребовать осторожного обмена — что, если мертвец и летающий человек гадают друг о друге?» Он вытал.
«Вдохнув, он кивнул. Во многом загадочное, наше путешествие привело к довольно необычному и неожиданному сочетанию попутчиков. Что скажешь, молодой человек?»
сэр?"

Прошло мгновение, и океанские волны, отмечая его прохождение, накатывали на берег. Затем

Лазарь спросил: «Ваша Светлость, вы говорите, что умерли два столетия назад, не так ли?»

«На этом всё. И можете просто называть меня Григорием или Медиччи, молодой человек, поскольку я не...»

«Ты большой господин, чем заяц, которого держишь в руке».

«И вам не нужно обращаться ко мне с титулом, поскольку я больше не оруженосец. Я всего лишь Лазарь».

«Вы были оруженосцем?»

Лазарь проигнорировал вопрос и стал расспрашивать Медиччи: «Если ты действительно Дух, как говоришь, то почему я не видел больше похожих на тебя людей?»

«О, их много. Но я не смешиваюсь с ними, чтобы ангелы не выследили их и не обнаружили меня, тоже скрывающегося. Я всегда действовал по-своему, тайно».

Новые подозрения возникли и внутри Медиччи, и он расспросил Лазаря. «Мне это кажется довольно странным».

Странно, что ты всё ещё во плоти и можешь видеть меня, но при этом утверждаешь, что никогда не видел другого Духа, подобного мне. Почему же так?

Лазарь признал: «Я видел духов, но они были гораздо ярче, чем вы. Это были духи дьявола, вышедшие из распахнутых Врат и собравшиеся на вершине собора». Лазарь пристально посмотрел на Медиччи и продолжил расспрашивать: «Не являетесь ли вы другой, неведомой формой этих духов, имеющей более скромный и мужественный облик?»

Призрак поднялся на ноги с изможденным лицом, в то время как Эльджо стоял безэмоционально. Они встретились взглядом на фоне огня. В визуальном противостоянии они искали друг в друге признаки правды или обмана. В тот момент стонал океан, стонал ветер, а тлеющие угли разлетались, словно светлячки. И если бы их бесчисленные мысли могли вспыхнуть и загрохотать, их разумы могли бы сотворить бурю, сравнимую с величайшей бурей — шторм такой силы, что он заглушил бы все земные зрелища и звуки вокруг. Тем не менее, Лазарус не мог легко исследовать Медиччи, поскольку Призрак был почти бесформенным. А Медиччи не мог легко почувствовать Лазаруса, поскольку Эльджо был совершенно неестественным. Оба остро ощущали кажущееся пространство замешательства, которое витало между ними. Каждый по-своему, без сомнения, распознавал его существование. Несомненно, это было реально. Это было похоже на практически незаметное облако волнообразного хаоса, где вполне могли обитать лишь высшие интеллектуальные состояния ненасытной любознательности и бесконечной подозрительности. В самом глубоком смысле, каждое из них, казалось, оставалось невидимым для другого.

Медиччи наконец заговорил: «Я не дьявольский дух. Дьяволам не достается рай, как и мне». Он скрестил руки и прищурился. «Тем не менее, я тоже удивляюсь вам. Вы утверждаете, что вы не дьявол, а всего лишь летающий человек; и все же вы знаете точное местонахождение врат в ад». Медиччи погладил бороду, затем погрозил пальцем и поделился своим собственным предметом спора. «Двести лет я искал такие врата по всей земле, повсюду. И все это время я неизменно чувствовал внезапное приближение человека или ангела. Однако меня немного беспокоит то, что вы смогли подойти ко мне так близко и незаметно, пока я стоял, ничего не подозревая, у своей могилы». Он поднял бровь. «Неужели вы — некая неведомая форма дьявола, с причудливой внешностью и насмешливыми манерами, пытающаяся тайно сопроводить меня в ад?»

«Я же говорил тебе, что я не дьявол. Я ищу монаха, чтобы закрыть Каменные Врата», — заявил Лазарь. «Это ты ищешь ада».

«Я не ищу ада; я ищу свою Софию».

«Значит, она в аду?»

— Не могу сказать, — возразил Медиччи. — Однако расскажите мне о вашем монахе и о том, как простой смертный монах мог обладать таким безграничным знанием Ада, что был с ним так хорошо знаком.

с, несомненно, замысловатым устройством его ворот.

«Я не могу сказать», — признался Лазарус. «Я не знаю ни о его поступках, ни о его методах — только его имя и место жительства».

«Тогда зачем вам искать этого монаха, если вы так мало о нем знаете? Как вы можете быть уверены, что он вообще способен управлять вашим Каменным Вратом?»

«Вратный камень не мой, — упрекнул Лазарь. — Меня всего лишь попросили привести монаха. Я дал слово, что сделаю это. Я поклялся людям Божьим, и теперь я исполняю их волю». Они ни в коем случае не стали бы лгать или желать мне зла в этом деле. Поэтому я верю в монаха и в его способности. Я знаю достаточно; мне не нужно знать больше».

Медиччи отвел взгляд. Он поджал губы и задумчиво кивнул. «Возможно, сносно; вы просто совершили доброе дело, каким бы необычным оно ни казалось». Он глубоко вздохнул. «Тем не менее, я не лгу и не желаю вам зла. Разве я не принес вам зайца? Разве я не составил вам хорошую компанию? Разве я не оказал вам все уважение, о котором вы могли бы попросить?»

Вопросы Медиччи побудили Лазаря вспомнить свою встречу с матерью в Горной Пасти и ее щедрое подношение драгоценных камней. Он ответил Медиччи каноническими словами мудрости: «Злые намерения часто скрываются под добрыми делами. В этом я не могу по-настоящему понять ваши намерения; однако мои мне ясны. Мне предстоит найти человека Божьего, который сможет связать зло, которое сейчас не скрыто».

Медиччи фыркнул и вяло взмахнул руками, воскликнув: «Возможно, вы говорите это только мне! Насколько я понимаю, вы заманиваете меня в ловушку — прямо в врата ада!» Он скрестил руки. «Ответь мне, Лазарь, вот что: если ты утверждаешь, что я один из этих предполагаемых злых духов из Врат, то зачем мне сопровождать тебя в твоих поисках? Если бы я действительно вышел из таких врат, разве я не знал бы их местонахождения? Зачем мне отправляться с тобой в Италию, если в этом нет необходимости?»

Лазарь возразил ему подобным образом: «И, возможно, вы говорите это только мне. Я не просил вас сопровождать меня в Италию. Насколько я понимаю, леди Софии может и не быть. Возможно, вы тайно хотите сопровождать меня, чтобы самим найти этого монаха, а затем убить его, прежде чем он закроет Каменные Ворота, не так ли?»

Медиччи упер руки в бока и холодно заявил: «Я не в сговоре со Злом, Лазарь. И уж точно не из-за тебя я был на кладбище. Более того,

«Ангел хотел проводить меня на небеса в тот самый момент, когда ты незаметно проникла ко мне».

Лазарь кивнул и посмотрел на океан. «А я как раз направлялся в Италию, Медиччи, когда голос твоего Ангела привлек меня к тебе».

«Она не моя», — возразил Медиччи. Он вздохнул и опустил руки: «Хорошо; возможно, мы оба говорим правду, и всё же подозреваем друг в друге недобрые намерения».

Однако я абсолютно уверен, что не желаю зла; и даже если у меня возникнут подозрения в неискренности ваших намерений, я всё равно чувствую себя обязанным сопровождать вас — и помочь вам найти монаха, если потребуется, — если в конце концов я хочу найти свою Софию». Явление быстро поклонилось. «Я могу лишь доверять вашим намерениям, считая их такими же искренними, как и моими».

Лазарь обдумал хорошие слова и любезный жест Медиччи. Он ответил на поклон. «И я нахожу добрую веру в вашу компанию и ваши прошлые дела. В конце концов, я нашёл вас в присутствии ангела; и вы нашли для меня зайца». Он улыбнулся и добавил: «Я должен быть благодарен».

Напряжение спало, и они сели у костра, чувствуя себя более довольными, чем всего мгновение назад. Какое-то время они по очереди наблюдали за шипящим мясом и прибойными волнами, которые истончались, превращаясь в едва заметные полосы пены.

Лазарь сказал: «Если позволите, простите мое недоверие, Медиччи. Дело лишь в том, что я никогда в жизни не видел Духа человека».

«Простите и мои подозрения, Лазарь», — в свою очередь сказал Медиччи. «Всю свою жизнь...»

«Смерть, я никогда не встречал ничего подобного летающему человеку. Более того, за более чем двести лет мне ни разу не удалось поговорить с живыми — до сих пор».

«Много ли таких душ, как ты, скитаются по округе?» — спросил Лазарь.

«Что ж, могу сказать, что душ столько же, сколько мужчин, женщин и детей когда-либо родилось. Я видел даже легионы, ошеломленно бродящих по свежим полям сражений. Иногда их может быть много — но лишь на мгновение, прежде чем ангелы явятся и унесут их прочь. Однако я редко вижу так много одновременно. Чаще я могу увидеть одного -двух духов мимоходом. И все же я должен бежать в спешке, чтобы ангелы не обнаружили меня среди них».

«Куда они носят Духов?»

Медиччи пожал плечами. «Подозреваю, что это рай или ад; где-то еще, а не здесь. Насколько я понял, духам запрещено бродить по земле».

«И всё же, вы это делаете».

"Я делаю."

«Тогда почему они это допускают?»

Призрак покачал головой и лукаво усмехнулся. «Я разрешаю». Он похлопал себя по груди и прошептал: «Если они меня никогда не поймут, я буду продолжать свободно бродить». Он усмехнулся и сунул руки в карманы одежды. «О, они знают, что я здесь — где-то. И я твердо убежден, что я не единственная заблудшая душа на земле».

Лазарь спросил его: «А что же с Ангелом на кладбище, от которого ты бежал?»
«Она не разрешила тебе остаться?»

«Азраэль?» — рассмеялась Медиччи. — «Она отличный следопыт. С тех пор Азраэль несколько раз находила меня, помимо моих регулярных визитов к Софии. И, как всегда, я говорю ей, что готов отправиться на небеса, отвлекая ее внимание, а затем ускользаю от нее. Она не очень-то старается меня поймать. В конце концов, она, скорее всего, втайне жалеет меня. Она никогда не говорит Азazelю, где я нахожусь, поскольку он никогда не появлялся после моих встреч с ней. Либо она меня жалеет, либо он ей не нравится, либо и то, и другое».

«Азazelь?» — спросил Лазарь.

Медиччи кивнул. «Другой».

Лазарь кивнул, глядя прямо на него. «В самом деле, какая добрая душа иначе сбежала бы с Небес?» Он повернул кролика и спросил: «А что, если бы Азраил пообещал забрать тебя в Ад? Пошёл бы ты с ней, как сейчас со мной? За Софией?»

«Нет, Лазарь; Азраэль провожает в рай только добрые души. Другой ангел, называющий себя Азazelем, тащит ничего не подозревающие и заблудшие души в ад. И мне не посчастливилось встретиться с ним лишь однажды за все эти годы. Я едва избежал встречи с этим голодным зверем».

«Почему ты не пошёл с ним в ад, чтобы забрать Софию?»

«Сопровождать Азazelя?» — недоверчиво рассмеялся Медиччи. — «С ним никто не будет добровольно сопровождать. Он похищает души и насилует их нагишом, подобно зайцу, которого вы знаете». — Он полностью поглощает их, так что они не могут убежать. Азраэль с тех пор предупредил меня об Азazelе, сказав, что тот — внебрачный сын ангела Кроноса, который с любовью обнял его. «Все души, пожирая их и делая частью себя. Азраэль давно дал понять, что если я не сопроводу её на Небеса, то Азazelь в конце концов найдёт и сожрёт меня, а затем унесёт в Ад, оставаясь заточенным внутри себя». Призрак вздрогнул. Его выражение лица стало жёстким, и он наклонился к Лазарю. «С тех пор, как я брожу по земле, Азazelь

Он также имеет полное право забрать меня. Если он меня захватит, то я не попаду в Ад своими силами. И я уверен, что навсегда останусь в заточении. Именно поэтому я тайно искал более подходящий вход в Ад — такой, через который я мог бы войти и сбежать на своих собственных условиях».

«Чтобы украсть Софию из ада?» — спросил Лазарь.

Медиччи кивнул. «И я так и сделаю».

«Возможно ли такое? Не думаю, — ответил Лазарь. — И как ты можешь быть уверен, что она не на небесах — или что она действительно в аду? Возможно, она поступает так же, как ты, и просто бродит по земле».

«Если бы она ходила по земле, я бы нашел ее за последние двести лет моих поисков врат в ад», — заявил Медиччи, указывая пальцем на горизонт океана. «А Азраил практически признался, что она не на небесах. Поэтому я подозреваю, что она, должно быть, в аду».

«Что тебе сказал Ангел?»

Медиччи вздохнул и взглянул на пляж, прежде чем признать: «Ну, это было не то, что сказал Азраэль», — сказал он, и это убедило меня в обратном. Дело было в том, что он не сказал.

Лазарь насторожился. «Тогда что же он тебе не рассказал?»

Призрак прищурился и обвиняюще погрозил пальцем Лазарю, чётко прошептал: «Каждый раз, когда я спрашиваю Азраэля, в раю ли моя София, он отвечает, что всё откроется, когда я буду на небесах. И каждый раз, когда я спрашиваю его, в аду ли она, он отвечает то же самое».

«Так теперь ты считаешь, что она в аду?» Лазарь покачал головой, теперь уже совершенно озадаченный. «Если Ангел ответил тебе то же самое относительно ее местонахождения, то почему ты считаешь, что она только в аду, а не на небесах?»

Лазарус наблюдал, как Медиччи встал, повернулся к нему спиной и уставился на океан. Дуновение морского бриза не прекращалось, но силуэт плаща Призрака неподвижно повис. Наконец, Призрак частично повернул голову и уставился на песок, словно погруженный в размышления. Наконец, Призрак перевел дыхание и кивнул, прежде чем полностью повернуться лицом к Лазарусу. «Я не подозреваю, что моя София в аду, основываясь лишь на том, что Азраэль мне сказал или не сказал, Лазарус. Нужно рассказать гораздо больше, прежде чем ты согласишься со мной, что она почти наверняка в аду». Призрак обошел костер, опустился на колени рядом с Лазарусом и засунул колючку глубже в пламя. Лазарь посмотрел в глаза Призраку. Зеленоватые глаза казались далекими — словно захваченные светом огня; устремленные в бесконечность.

Медиччи рассказал о своем прошлом: «По профессии я был не только врачом, но и алхимиком . Поэтому я был поглощен открытием экзотических препаратов и опьяняющих лекарств, которые можно было бы применять для замедления или даже предотвращения наиболее распространенных физиологических последствий старения. По мере развития моих исследований мои инструменты и методы становились все более нетрадиционными и, безусловно, противоречили общепринятым канонам». Христианский мир. В связи с этим у меня не оставалось иного выхода, кроме как продолжать учебу втайне, из страха. по обвинениям в ереси или колдовстве. В конце концов, я искал уникальный и точно приготовленный препарат из масел, экстрактов, металлов и солей крови, который мог бы обещать бессмертие. По сути, я стремился сформулировать тот самый эликсир древних».

«А такое вообще существует?» — спросил Лазарь.

Медиччи пожал плечами. «Сейчас это не имеет значения. Но при жизни я так считал». Он вздохнул и серьезно улыбнулся Лазарю. «Кроме меня, о моем стремлении знал только один человек . Это была моя верная соратница и спутница, София».

Лазарь кивнул и вежливо опустил взгляд на жарящегося кролика.

Призрак засунул руку в самое сердце огня, вытащил тлеющий уголь и внимательно осмотрел его, продолжая: «Я был так близок. Я искренне верил, что вот-вот создам эликсир». Он бросил уголь обратно в пламя и продолжил: «Тем не менее, эта вера побудила меня исследовать множество странных и экзотических земель в поисках того единственного ингредиента, который бы наполнил смесь энергией». Призрак отвел взгляд и посмотрел на волны, прежде чем снова повернуться к Лазарусу, его настроение явно помрачнело.

«Я пообещал Софии, что это будет моя последняя поездка за границу. Торговое судно, на борту которого я забронировал место, вскоре после отплытия попало в сильный шторм. Шторм почти затонул и отнёс нас далеко за пределы первого порта захода. Вместо того чтобы развернуться и снова войти в шторм, капитан продолжил путь, и мы благополучно завершили оставшуюся часть путешествия. Увы, убеждение, что мы потерпели крушение в шторме, укрепилось и подтвердилось, когда обломки нашего корабля, оторванные от нас бурей, выбросило на берег недалеко от порта, который мы проигнорировали. И ложная весть о гибели всех людей дошла до моей Софии как правда». Хотя Медиччи улыбнулся и покачал головой, Лазарь видел боль на его лице. «Она была страстной девушкой — даже глупой. Она покончила с собой».

Оба обратили внимание на кролика и пламя, охватившее его.

«Вот так вот», — заметил Медиччи, пожав плечами. — «Я верю, что моя возлюбленная в аду; вы знаете о вратах ада ; и я надеюсь вернуться в единственный рай, который мне близок ».

Между ними повисла минута молчания. Пламя развевалось на морском ветру, а Лазарь смотрел на тусклый океанский горизонт.

«Вы готовите зайца в качестве всеожжения?» — спросил Медиччи, кивая в сторону настоящего момента. почерневший кролик.

«Ах!» — воскликнул Лазарь, опомнившись, и спас кролика, подняв его высоко на горячей палке. Легкий ветерок погасил пламя и охладил зайца. Он повернулся к Медиччи. «Если позволите, как вы умерли?»

Призрак усмехнулся и указал в огонь, его твердая рука проникла в пламя. «От этого, от самого орудия моего ремесла, — нашего печально известного Дара Прометея, — я умер во сне».

«Ты сгорел заживо?»

«Нет. Это был дым от моих баллончиков с веществами и экстрактами, воспламенившийся от неправильно поставленной масляной лампы — смертельные испарения от тех самых ингредиентов, которые я использовал в своих поисках вечно ускользающего эликсира жизни». Медиччи усмехнулся. «И вот я здесь, двести лет спустя». Сделав паузу, он добавил: «Возможно, по счастливой случайности я все-таки открыл эликсир. Только я не знал, что для дарования бессмертия мне нужно было умереть».

Лазарус прищурился, задумавшись, и сухо рассмеялся. Внезапно он осекся . «Простите меня, Медиччи».

«Не волнуйся, Лазарь», — успокоил его Медиччи, поднимаясь на ноги. — «Наелись досыта и успокой свои муки». Призрак отошел от огня и крикнул Лазарю: «Мне нужно узнать, где мы находимся, по названию ближайшей деревни. Я ненадолго».

Лазарус наблюдал, как Призрак приближается к берегу. Неторопливым шагом Спектр осмотрел звездное небо. Затем лик Медиччи взмыл в воздух и исчез.

Изголодавшийся Лазарь пожирал свою трапезу, пока время вращалось под иссиня-черным небом. Наконец , плавающие угли были подобны светлячкам, рои которых выползали из угарного костра ; и Лазарь расхаживал по пляжу, оставляя на песке все более узкие круговые следы, всматриваясь в небо в поисках признаков призрака. Но вскоре его взгляд упал в сторону моря, к восточному горизонту, и остановился на тонкой красной линии, которая отмечала первое
Начался рассвет. Он кружил и расхаживал взад-вперед вокруг костра, его руки

Он ерзал, его взгляд был устремлен на восток.

Голос раздался у него за спиной и спросил: «Как ты себя чувствуешь?»

Лазарус резко развернулся и упал обратно на песок. Он наблюдал за смутным изображением приближающегося Призрака. Он сердито посмотрел и остановился, когда Медиччи с улыбкой приблизился. «Прости меня, Лазарь. Мне следовало бы быть более прямолинейным в своих высказываниях».

Лазарус перевел дух и проворчал: «Да, если вы не возражаете». Он быстро направился к Призраку, украдкой взглянув на светящийся горизонт, затем пнул песок на дымящиеся угли и заявил: «Медикки, мы должны уйти, поскорее».

Медиччи остановился перед Лазарем и указал вдоль береговой линии. «Я нашел деревню Сен-Максим. Она совсем недалеко отсюда. Похоже, у вас много способностей — и теперь еще и острое чувство направления». Призрак скрестил руки и добавил: «Вот это да! Вы уверены, что никогда не путешествовали ...»

«Медиччи!» — вмешался Лазарь, указывая пальцем на слабое свечение над океаном. — «Это убьет меня, Медиччи; я должен немедленно искать убежище!»
«Укрытие? От океана?»

«От солнца, — пояснил Лазарь, — у меня тяжелая болезнь, вызванная солнцем».
«Ах», — кивнул Медиччи. — «Как и следовало ожидать, с необычными способностями приходят и необычные слабости». Он повернулся и указал вглубь материка от бухты. — «Там лес — много тени. Этого будет достаточно?»

«Я ищу более темное место; возможно, пещеру или что-то подобное».

Медиччи задумчиво почесал подбородок. «Я не видел никакой пещеры». Он взглянул на восточное небо. «И ты не доберешься до деревни до рассвета». Он покачал головой и пожал плечами. «Для меня это было бы легко. Я мог бы спрятаться под океаном, под землей или даже Внутри дерева. И всё же ты живёшь и должен дышать».

«Должен пожелать вам доброго вечера», — сказал Лазарь, расправив крылья и постепенно отклонившись в сторону. «Ах! Я знаю подходящее место!» — воскликнул Медиччи. Он ткнул пальцем вдоль южного побережья. «На скалах лежит затонувший корабль, и его корпус до сих пор плотно закрыт. Что вы думаете?»

«Вы говорите правду?»

«По моему торжественному слову чести — как знатного человека, — настаивал Медиччи, — вы должны остаться невредимыми, чтобы я мог найти свою Софию. Корабль запечатан и должен вам хорошо послужить».

«Покажешь мне?»

«Действительно — немедленно!»

Лазарь оглядел горизонт. «Я должен лететь низко и быстро, против земли и моря». Он развернулся. Медиччи взмахнул рукой, устремившись к небу: «Мне следует последовать за тобой».

Они вдвоем взмыли в небо, бросив догорающий костер и почерневшую голову кролика. Казалось, брошенные останки с изумлением смотрели в сторону взлетающей пары, словно готовясь к последнему, глубокому событию. Запоминающееся представление перед совершенно отсутствующей публикой — и в заключительные мгновения, застывшее навечно, смотрящее вверх, с его черным, звериным и совершенно заброшенным, широким и пустым отверстием в глазу.

[Конец главы 19]

Это литературное произведение было создано исключительно в память о...

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~GothicNovel.Org~